

представляют собой два универсума, два видения мира, коренным образом отличающихся друг от друга и совершенно несовместимых друг с другом.

Вновь обрести золотой век

Среди семи планет алхимики отводили особое место Сатурну. Он не просто традиционно связывался со свинцом, одним из семи металлов, соответствовавших семи планетам, известным со времен Античности. Сатурн ассоциировался также с первобытным золотым веком, когда, как известно нам из греко-римской мифологии, миром правил бог Кронос (римский Сатурн), бывший также богом времени (отсюда хронология).

Так нет ли еще возможности вернуть, по завершении цикла апокалиптических переворотов и потрясений, этот золотой век, вновь обрести состояние небесного блаженства? Отсюда проистекает второе огромное различие между целями, которые преследовались алхимиками, и целями современной позитивной науки. Современной науке совершенно чужды всякого рода концепции и видения религиозного, священного порядка. Традиционная алхимия основывалась на мифической, фантастической, чудесной надежде вновь обрести золотой век, возвратиться в блаженное состояние (о котором человеческая душа хранит навязчивые ностальгические воспоминания), утраченное в результате первобытного грехопадения. Надежду вернуть его алхимия распространяла не только на людей, но и на все земное творение, включая сюда и минеральное царство. Но как вновь обрести утраченный золотой век, как «перейти, подняться от свинца к золоту»? Мы видели, что для средневековых христианских алхимиков их самые фантастические творческие надежды не вступали в противоречие с господствовавшими в те времена верованиями и идеями, которые они вполне разделяли. Напротив, надежда вновь обрести утраченный золотой век, возвратиться в потерянный рай, восстановить состояние блаженства на Земле не имеет смысла для строго «мирских» целей современной химии, практикующей количественный анализ.

Однако различия между алхимией и химией этим не ограничиваются, они гораздо глубже и непримиримее. Историк приходится также констатировать, что во время выполнения алхимических операций обнаруживались (если верить адептам) явления, факты и законы, выходящие за рамки природы процессов, допустимых с точки зрения современной позитивной науки - вопреки нашим попыткам (со всеми оговорками) рискованного сближения химии и алхимии.

Мы только что видели, сколь тесно алхимик увязывал обработку веществ в собственной лаборатории с расположением звезд на небесном своде. Тем самым он проводил непреложную параллель между небесными законами и феноменами, наблюдаемыми в лаборатории, - отсюда название, которое иногда дают алхимии, на первый взгляд весьма странное, однако не менее показательное, если иметь в виду упомянутую параллель между небесными и земными явлениями, небесное земледелие, и слово земледелец, прилагаемое к адепту.

Совершенно логично, что алхимики не считали, будто знание, какие вещества и как необходимо обрабатывать и смешивать при последовательном выполнении операций Великого Делания, само по себе еще не ведет к успеху. Они полагали, что эти вещества, прежде чем могут быть использованы, должны достичь надлежащей астральной зрелости. Например, сурьма не могла считаться философской (то есть пригодной для использования в операциях Великого Делания), пока алхимик не подвергнет ее воздействию планет, достигших соответствующей констелляции, которая с величайшей тщательностью устанавливалась на небосводе. Упомянутая констелляция обеспечивала благотворное воздействие Солнца, Луны, планет и определенных созвездий. Лишь после этого должным